

РЕЦЕНЗИИ

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО УЧЕНОГО

Józef Borsukiewicz: Bieliński i romantyzm rosyjski, (in:) Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Nauki filozoficzne i humanistyczne, Sectio F, Vol. XXIII/XXIV, Lublin 1968/69; Poglądy Wissariona Bielińskiego na romantyzm w nauce o literaturze, (in:) „Przegląd Humanistyczny“, 1973, nr 3; Poglądy Wissariona Bielińskiego na romantyzm w radzieckiej nauce o literaturze, (in:) Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Nauki filozoficzne i humanistyczne, Sectio F, Vol. XXVII, Lublin 1972; Wissarion Bieliński i romantyzm rosyjski. Streszczenie rozprawy habilitacyjnej. Druk Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1972.

Сегодня вопросы романтизма в нашем литературоведении изучаются как никогда интенсивно. Наряду с углубленным исследованием западно-европейского романтизма конца XVIII—начала XIX в., выявляются гораздо более широкие территориальные границы этого художественного направления. Теперь романтизм рассматривается как явление всемирное, охватывающее не только Европу, но и Северную и Южную Америку, страны Востока; не только эпоху классического романтизма, но и предшествующие и последующие периоды. Применительно к русской литературе настойчивее, чем прежде, говорят о романтизме второй половины XIX — начала XX в., советской литературы. Можно утверждать, что романтизм, русский и зарубежный, оценивается сейчас значительно выше, чем в 30—50-е годы. В этих условиях возник ряд сложных теоретических и историко-литературных проблем, включая фундаментальные: сущность романтизма, его взаимодействие с другими методами, региональные его особенности и др. В частности, ждет дальнейшего изучения русский романтизм, особенно сращение романтизма с реализмом и другими методами в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Горького, Блока, ряда советских писателей. Добиться успеха здесь невозможно без более полного усвоения теоретического наследия крупнейших представителей мировой эстетической мысли, и в первую очередь, поскольку речь идет о русской литературе, наследия В. Г. Белинского, практического участ-

ника и главного теоретика литературного процесса в пору, когда решались судьбы классического романтизма. Несмотря на то, что в последние годы появились интересные работы (А. Гаджиева, Н. Гуляева, К. Григорьяна), задача более полного исследования взглядов великого критика на романтизм остается весьма актуальной. В этой связи появление трудов польского ученого о концепции романтизма Белинского не может не привлечь внимания нашего литературоведения, тем более, что, как известно, традиции изучения романтизма в Польше с ее богатой романтической литературой и особым романтическим умонастроением чрезвычайно сильны.

Труд Ю. Борсукевича — новый этап в изучении проблемы. Работа хорошо аргументирована, отличается новизной фактического материала, свежестью и определенностью суждений. Автор рассматривает концепцию романтизма Белинского чрезвычайно широко: с учетом достижений русской, советской и польской науки более чем за столетие; с охватом всего богатого, сложного, претерпевшего эволюцию от идеализма к материализму творчества критика; в аспекте движения западно-европейской и русской литературы; философии, эстетики, теории литературы и критики; в плане теоретико-типологическом, историко-литературном и оценочно-критическом. Все это позволило ученому заново поднять многие проблемы, по-новому осветить дискуссионные вопросы и в итоге прийти к высокорезультативным научным обобщениям концептуального и частного характера. Вот некоторые из основных положений его исследования.

Романтизм Белинский рассматривал как необходимую ступень в развитии искусства. Вслед за Гегелем он делит мировой художественный процесс на символическую, классическую и романтическую стадии, связывая последнюю с искусством средневековья. Истоки средневекового искусства критик усматривал в особой интенсивности внутренней жизни человека, устремленного к высокому идеалу. Романтизм конца XVIII—начала XIX в. Белинский в ранний период своего творчества называл «псевдоромантизмом» и видел в нем результат реакции на «псевдоклассицизм». Однако нельзя считать, как это делают некоторые исследователи, что критик сводил весь вопрос к «отталкиванию» от сковывающих догм классицизма. Автор рецензируемой работы рассматривает суждения Белинского о генезисе романтизма в немецкой, английской, французской литературах и приходит к заключению, что в зрелые годы критик воспринимал «новый романтизм» как литературное направление, вызванное к жизни всем ходом общественно-политических событий после Великой Французской революции. Творчески переосмысляя взгляды Шеллинга и других представителей эстетики романтизма, Белинский определял своеобразие романтического течения со стороны содержания и формы, метода и сти-

ля. Возникновение романтизма в русской литературе он вначале рассматривал как явление чужеродное, заимствованное у немцев, но неизбежное и плодотворное. Россия не имела своих средних веков (в сопоставлении с Западной Европой); и необходимую работу по романтическому образованию русского общества и литературы, подготовку их к дальнейшему духовному и художественному развитию выполнила поэзия «в духе средних веков» Жуковского; без Жуковского не было бы Пушкина. Отечественный романтизм 40-х годов критик обуславливает подъемом национального и личного самосознания в результате войны 1812 года, а затем (объективно) декабристского движения, видит разные его типы; в ходе полемики с Н. Полевым и другими представителями поверхностного, подражательного романтизма развивает мысль Гегеля о том, что в романтической поэзии идея превалирует над формой и что поэтому по внешним одеждам судить о ней нельзя; высказывает свои самые сокровенные, теперь всемирно известные, суждения о тайнах, красоте и бессмертии романтической поэзии, остающиеся и сегодня наиболее яркими ее определениями. Исчерпывающий анализ высказываний Белинского о романтизме дал возможность Ю. Борсукевичу решительно опровергнуть довольно распространенное мнение, согласно которому критик не столько пропагандировал «новый романтизм», сколько боролся с ним. В то же время на подступах к творчеству Пушкина он увидел границы романтизма как самостоятельного типа творчества и необходимость в определенный исторический момент объединить возможности романтизма и реализма для адекватного отображения усложнившейся действительности. Исследование этой проблемы и связанного с нею большого круга вопросов занимает центральное место в работе польского ученого.

В отличие от Гегеля, который в романтическую стадию включал, кроме искусства средневековья, искусство Возрождения и последующих эпох, Белинский отказывался объяснить произведения Сервантеса и Шекспира только системой романтизма. Их творчество, по его мнению, вышло за пределы одной художественной системы и требует иных теоретических определений. Так вошла в эстетику Белинского концепция «нового искусства» как синтез поэзии «идеальной» и «реальной», классической гармонии и пластики древних греков с напряженной духовностью, психологизмом романтизма. С Возрождения, с творчества Сервантеса и Шекспира, по Белинскому, началась и продолжается «четвертая» стадия развития мировой литературы. Ю. Борсукевич приводит многочисленные факты и материалы, из которых видно, как упорно и последовательно разрабатывал критик концепцию «нового искусства». Доказательны здесь сопоставления концепций Шиллера, Шеллинга, Надеждина, с одной стороны, и Белинского, с другой. Анализ теории критика о родах и видах поэзии, центральная мысль кото-

рой о взаимопроникновении друг в друга эпических, лирических и драматических жанров, блестяще подтверждает тезис критика о синтетическом характере «нового искусства».

С позиций учения о «новом искусстве» Белинский оценивал творчество Пушкина. До Пушкина в России не было писателя, равного Сервантесу или Шекспиру. Творчество его предшественников в основном укладывалось поэтому в русла определенных художественных направлений. Необходимость синтеза критик связывает с требованием глубокой народности. Пушкин — первый великий поэт России, так как он с гениальной художественной силой выразил национально-историческое самосознание русского народа в эпоху, когда его события и вопросы начали становиться событиями и вопросами всего человечества. Поэтому Белинский, который никогда не отождествлял народность лишь с правдивостью изображения, видел в Пушкине не только художника, углубившего реально-сатирическое направление Кантемира-Крымова; гигантское содержание его творчества по необходимости объединило все художественные достижения предшествующей литературы. Отсюда вытекает важный вывод польского ученого, колеблющийся устоявшиеся в науке представления: Белинский не выделял в творчестве Пушкина однозначного движения — от романтизма к реализму, а стремился охарактеризовать его развитие, метод, стиль более всесторонне, руководствуясь критериями своей теории «нового искусства». В связи с изучением взглядов Белинского на поэзию Пушкина автор рецензируемой работы уточняет ряд дискуссионных проблем: периодизацию русской литературы, связь теории народности с теорией метода, оценку критиком пушкинской прозы и влияние на эту оценку шеллингианской теории «бессознательного творчества», дискуссию критика с русскими романтиками на тему: «Был ли Пушкин больше романтиком», чем Жуковский; меру «объективности» Пушкина и «субъективности» Лермонтова.

Дальнейшие соображения о развитии концепции «нового искусства» и места в нем романтизма Ю. Борсукевич связывает с оценкой Белинским творчества Гоголя. То обстоятельство, что критик неоднократно объявлял о том, что «проза убила романтизм», что пушкинский период окончился и начался период гоголевский, не дает оснований, по мнению ученого, для заключения, будто критик противопоставлял Гоголя Пушкину, будто творчество автора «Миргорода» было почвой, на которой формировалась теория Белинского как теория антиромантическая. Утверждая гоголевское направление в литературе, критик боролся с романтизмом эпигонским. Что же касается романтизма подлинного, то он не противоречил реализму Гоголя, напротив, он предполагался им. В новых исторических условиях, когда резко повысились требования общественно-заостренного искусства, степень прав-

дивости и социальной глубины стала зависеть от присутствия сильного субъективного начала, без которого, часто повторял в 40-е годы критик, не может быть никакой подлинной народной литературы. Этим объясняет он новую вспышку романтизма в творчестве Лермонтова и Гоголя. Метод Гоголя Белинский определил как синтез антиномических начал. В споре со славянофилами и представителями т. н. «риторической школы» он призывал оценить, кроме способности творца «Мертвых душ» оголить прозу будничного существования, его могучую субъективность. Без этого непонятна идущая от романтизма взаимопроникнутость пафоса и сатиры, бытового и фантастического, комического и трагического. Белинский сопоставлял Пушкина и Гоголя не с целью противопоставить их друг другу, а для выяснения своеобразия их талантов и поступательного развития русской литературы. В концепции «нового искусства» оба они присутствовали как его создатели. Пушкин был его великим началом, Гоголь — его великим продолжателем, в котором критик обнаруживает усиление синтеза поэзии «реальной» с поэзией «идеальной», начала «объективного» с «субъективным», а вместе с ним увеличение в литературе разнообразных элементов романтизма. Подтверждение именно такому развитию теории «нового искусства» польский исследователь находит также в повышенном внимании позднего Белинского к вопросам идейности в литературе, мировоззрения писателя, в новом интересе критика к романтической эстетике Шеллинга, в страстном желании (после отказа от «идеи примирения») развить «идею отрицания», т. е. обнаружить положительные силы, способные изменить жизнь.

Таким образом, Ю. Борсукевич приходит к заключению, что Белинский развивал целостную концепцию искусства, согласно которой «поэзия реальная» и «поэзия идеальная» были равноправны и одинаково привлекали его внимание. Первоначально обособленные одна от другой, эти типы литературы впоследствии в его теории были объединены в одно синтетическое единство в форме категорий субъективности и объективности в искусстве. Конечно, общая схема этой концепции была известна литературоведам всегда. Однако многим она казалась и продолжает казаться метафизической, связанной с гегельянством раннего Белинского, когда абстрактно-логические построения немецкой философии и эстетики он воспринимал недостаточно исторично и навязывал их русскому литературному процессу. Ю. Борсукевич опровергает такое мнение. Проведя большую исследовательскую работу, он показывает, что концепция романтизма Белинского и его теория «нового искусства» — итог исключительно широкого и глубокого анализа великим критиком русского и мирового литературного процесса; усвоение концепции Белинского позволит успешнее разрабатывать большой комплекс проблем, связанных с историей и тео-

рией романтизма и развитием русской литературы первой половины прошлого столетия. Труд польского ученого, несмотря на дискуссионность некоторых важных его положений, является серьезным вкладом в науку.

П. И. Ивинский,
доцент Вильнюсского госуниверситета
им. В. Капсукаса